

Я родился слагателем сказок,
Вы — плясуньей, певицей,
актрисой

Николай Гумилев и Сада-Якко

Елена ШАХМАТОВА

Сада-Якко

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом.
И пожилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекие любилы,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусство,
Непонятными словами
Опяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

Вокальная группа "Квартал" исполняет песню на стихи Николая Гумилева "Сада-Якко": в ней что-то неуловимое от интонации Вертинского, того духа изящества и красоты, который был характерен для утонченного искусства рубежа веков. Что привлекло молодых исполнителей к этому стихотворению расстрелянного советской властью поэта, его трагическая судьба или имя японской артистки? Скорее всего — первое, кто такая Сада-Якко, вряд ли кто помнит теперь даже из профессионалов сцены. А ведь в начале века она была кумиром эстетствующей публики, ее слава гремела в Америке и Европе, она совершила многолетнее турне, посетив все театральные столицы, побывала в том числе и в России. Восторженные рецензенты, привыкшие на все навешивать ярлыки, называли ее "японской Дузе", а в России — "японской Савиной".

"Японской артистке Сада-Якко, которую видел в Париже", посвятил Гумилев стихотворение, вошедшее в сборник "Романтические цветы". Он нанес ей визит, чтобы вручить стихотворение, которое первоначально начиналось восемью строчками, звучащими очень торжественно.

Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей,
Я родился слагателем сказок, Вы — плясуньей, певицей, актрисой.
И в блистательном гrome оркестра, в электрическом светлом пожаре
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен был темной кулисой.

И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо веер,
С каждым мигom во мне укреплялась золотая веселая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам также пленителен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряженных глубинах партера.

Первое издание "Романтических цветов" было осуществлено в Париже в 1908 году, и только в этом издании стихотворение опубликовано полностью. Из последующих редакций автор изъясил эти строки, так как они не понравились В. Брюсову, чьим мнением молодой поэт очень дорожил.

Звезда Сада-Якко взошла на европейском небосклоне на фоне всеобщего увлечения японским искусством. А началось все с гравюр, которые попали в Европу случайно: в них, как в оборотную бумагу, заворачивали колониальные товары. Поклонниками японской гравюры стали многие виднейшие художники Англии и Франции. В ее простоте, безыскусности и незавершенности заключалось как раз то, чего так остро не хватало европейскому искусству, дошедшему в своем развитии до крайностей натурализма. Ловкие японские импресарио, почувствовав все более возрастающий интерес к искусству своей страны, отправляли в Европу циркачей, формировали актерские труппы и составляли для них особый, адаптированный к вкусам западных зрителей, репертуар. Европейцы жаждали увидеть японцев такими, какими они их себя представляли: в национальных кимоно, на деревянных "котурнах", с кривыми самурайскими мечами, жестокими, готовыми в любую минуту кого-нибудь зарезать или совершить хакарири. Приезжающие гастролеры вынуждены были считаться с ожиданиями публики, и часто пьесы, не имевшие драматического финала, переделывались в сцены смертельных поединков, чтобы исполнители могли лишней раз продемонстрировать блестящую технику телодвижения.

В 1899 году в турне по Европе и Америке отправляется труппа Отодзиро Каваками. Он уже побывал в Париже, присмотрелся к правилам западной сцены, культурным веяниям и понял, что для него наступил удачный момент. Он создал небольшую коллектив, так называемый "театр улучшенной пьесы" (сэйгэки). Традиционные театры Но и Кабуки были еще неизвестны западному зрителю, и Каваками взял курс на популяризаторство японского театрального искусства. С одной стороны, он выступал как миссионер традиционного искусства Японии, а с другой — решил хорошо заработать и на эти средства создать в Японии театр европейского типа.

Наибольший успех у зрителей снискала актриса этой труппы, обладавшая необыкновенной красотой, — Сада-Якко. Она была женой Отодзиро Каваками, а до того гейшей в Токио. В 6-летнем возрасте отдали родители свою красавицу дочь в обучение основ традиционных искусств и церемоний. Гейша — это прежде всего "человек в искусстве", так буквально можно прочесть иероглифы, составляющие это слово. Когда Сада достигла определенного возраста и уровня мастерства, ее посвятили в профессию, дав ей новое имя "Якко", что означает "служанка" или "рабыня". В 22-летнем возрасте она вышла замуж за актера, и вскоре, по воле случая, сама стала актрисой. Произошло это в "Сан-Франциско" в 1899 году. Заболел исполнитель роли Гейши и тогда Сада-Якко рискнула выйти на сцену, хотя по японским обычаям женщина не могла выступать на сцене вместе с мужчинами. Как некогда жрица Окуни положила начало своим храмовыми плясками новому виду театрального искусства Кабуки, так и Сада-Якко вернула японской женщине право играть на сценических подмостках, пусть даже и вдали от страны Восходящего Солнца.

Впрочем, Сада-Якко, выступая в Лондоне, снискала такой грандиозный успех, что королева Виктория, пожелав одарить артистку особой милостью, поинтересовалась, какую награду она хотела бы получить. Сада-Якко ответила, что лучшей наградой для нее было бы разрешение микадо играть ей с труппой мужа в Японии. Королева взялась ходатайствовать на высочайшем уровне, и микадо удовлетворил просьбу Сада-Якко. В Англии Сада-Якко сразу же завоевала расположение Эллен Терри и Генри Ирвинга. Корреспондент петербургского "Обозрения театров", описывая успех Сада-Якко в Париже, заметил, что "парижане диву даются, глядя на эту маленькую азиатку, достигающую поразительных сценических эффектов самыми простыми, спокойными "импрессионистскими" приемами игры.

Впрочем, не все в Европе были покорены искусством Сада-Якко. Хор восторженных похвал нарушили скептические оценки театрального реформатора Гордона Крэгга, сына Эллен Терри. Он был против женщин на сцене и преклонялся перед молчаливым благородством марионетки. С падением куклы и с успехом женщин, выставляющих себя вместе с ней на подмостках, — отмечал он мрачно, — воцарился темный дух, зовущийся хаосом, и одновременно с этим начинается торжест-

во бурной личности.

В дни Всемирной выставки в театре Лойд Фуллер Сада-Якко играла в спектакле, состоящем из двух актов, двух небольших пьес "Гейша и рыцарь" и "Каза". Это представление и вдохновило Гумилева на создание поэтического портрета актрисы. В первой пьесе Сада-Якко разыгрывала историю женщины, которая готова довести себя до смерти собственной ревностью. "Гейша, танцую, входит на сцену, желая обольстить монахов, чтобы узнать, где прячется рыцарь. Она танцует снова и снова танцы храма Ешивара, исполненные с восхитительной гибкостью и великолепной элегантностью, и, если можно так выразиться, иератической шалостью. Затем раздается ее голос! О, что это за голос! Он тотчас захватывает нас, это голос испуганного ребенка и одновременно раненой птицы, голос тонкий, нежный и трагически опустошенный, он заставляет нас плакать и улыбаться в одно и то же время. Одним словом — очаровательный! Если хотите, — это голос японской гравюры: если бы эстампы, которые мы видим, ожили и превратились в галлюцинацию, они не могли бы иметь другого голоса, чем тот, которым они вещают через Сада-Якко. Если мы перелистаем дорожке нашему сердцу альбомы Харонобу, Тойокуни, Утамаро и Хокусая, нам ничего не помешает вновь услышать это детское щебетание, исполненное невыразимой боли." (Arsene Alexandre).

Другая пьеса, "Каза", названа по имени героини и, по мнению французского обозревателя, представляет собой историю о разбойниках, схожую с европейским циклом преданий о рыцарях круглого стола. Каза — юная девушка, похищенная разбойниками. Ее истекающую кровью мать, брошенную на верную смерть бандитами, находит и спасает молодой самурай Морито. Морито без всяких колебаний соглашается помочь несчастной женщине и освободить ее дочь. Он проникает в логово разбойников, в смертельной схватке одерживает победу над врагами, освобождает похищенную красавицу и обещает жениться на ней, как только исполнит до конца свой священный рыцарский долг. В отсутствие освободителя Каза легкомысленно влюбляется в другого и выходит за него замуж. Но вот Морито возвращается. Он разгневан изменой невесты и жаждет крови. Он требует от Казы, чтобы она сдержала данное ему слово, иначе грозит убить ее мать. Но этого мало, он хочет смерти своего соперника и требует, чтобы Каза помогла ему довести мать до конца. Несчастная женщина безропотно соглашается и отдает Морито ключ от своей спальни, а ночью, сказавшись нездоровой, просит мужа оставить ее одну, а сама ложится на его место. Ревнивец свершает свой коварный замысел, а обнаружив роковую ошибку, тем же мечом убивает и себя.

Сюжет пьесы полон трагических недоразумений и больше похож не на драму, а на либретто пантомимы. В пьесе нет монологов, лишь короткие диалоги. Зрители были покорены актерской техникой. Как отметил рецензент, "стиль игры японских актеров наилучшим образом соответствует их театрально-драматургической поэтике. (...) Мимикой они передают и выражают чувства, и не только простые страсти, но и мельчайшие нюансы. (...) Мимика — вот основное в игре японских артистов. (...) Я не говорю об иллюзионных трюках, которыми японцы, традиционно великолепные акробаты, заставляют нас поверить в то, что из ран льется настоящая кровь. Это второстепенно. На первом месте — выразительность поз и мимики, выявляющая кульминацию ужаса или наслаждения. Ничто не может сравниться с танцевальной грацией и улыбкой глаз японской актрисы. (...) Что же представляет собой японское искусство, может быть, изысканный натурализм? — и делает комплимент актрисе. — А вы в нем самое изящное и полное выражение".

Исполнительская манера японских артистов была для Европы открытием. Этим и объяснялся тот потрясающий успех, которого удалось добиться труппе гастролеров под руководством Каваками. Японские газеты сообщали о триумфе своих соотечественников, имя мадам Сада-Якко появилось на передовицах. Популярность японской артистки была так велика, что этим тотчас воспользовалась становящаяся на капиталистические рельсы парфюмерная промышленность. Духи "Сада-Якко" имели не меньший успех, чем легендарная японка.

Мода на все японское охватила Европу: повсюду появились многочисленные магазинчики, где торговали экзотическими вещами. В Москве подлинные японские изделия можно было приобрести в магазинах Йокои

на Тверской и Кузнецком мосту и в магазине Мацуура в Камергерском переулке. Не исключено, что именно там приобрел К.С. Станиславский "подлинные японские старинные латы самураев, знамена, подлинную японскую" для веселой постановки "Микадо" в Алексеевском кружке. Не лишним будет напомнить, что и знаменитая опера Д. Пуччини "Чио-Чио-Сан" появилась на свет в 1903 году, вскоре после триумфальных гастролей Сада-Якко.

Экзотический аромат духов "Сада-Якко" вносил пряную струю в стилизованную атмосферу светских салонов начала века. Вот как описывает Георгий Иванов апартаменты редактора одного из роскошных петербургских журналов: "Квартира была действительно замечательная. Из кабинета, просто и со вкусом сделанного в виде избы с конусообразным потолком и с облицовкой из красного дерева, мы вышли в круглую залу. Посредине ее был маленький фонтан, распространявший сильнейший запах "Сада-Якко". Сочетание стилизованной избы и фонтана с восточными ароматами — одна из примет времени. И сама Сада-Якко — неотъемлемая частица европейского модерна. Показанная ею техника актерского мастерства была взята на вооружение европейской режиссурой. Всеволод Мейерхольд, утверждавший, что он учился на традициях японского театра, не обошел вниманием искусство японской гастролерши. Разрабатывая биомеханику, он изучал различные приемы усиления игры, такие как "пауза", "отказ", "предыгра", и он вспоминал о музыкальной пантомиме, родившейся из монолога, на примере Сада-Якко: "...как она ни декламирует, это кажется недостаточным, она и жесты делает, и то, и другое, но и этого мало, и она вот что делала. Она доводила до какого-то градуса свой экстаз и начинала двигаться под музыку... И она этим уже овладела публикой. Не словами, не мимикой, не ракурсами, а вот тогда, когда она играла на фоне оркестра".

Гумилев в том же парижском сборнике "Романтические цветы" поместил и другое стихотворение "Самоубийство", без сомнения, навеянное игрой японской артистки. В этом стихотворении Гумилев дает такую зримую и пластически выверенную картину самоубийства, что не остается сомнений в том, что он описывает сцену в исполнении Сада-Якко:

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издали набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

Конечно же, это предстает перед нами Сада-Якко, демонстрирующая физическое угасание жизни под аккомпанемент сямисэна.

По возвращении в Японию, Отодзиро Каваками осуществил свою мечту — открыл театр европейского типа "Секидзе" и при нем — театральную школу, заложив таким образом основы нового театрального направления — сингеки. Сада-Якко дебютировала на сцене нового театра в 1903 году и завоевала признание японской публики, хотя и не такое беспорное, какое ей удалось снискать за границей. После смерти мужа, последовавшей в 1911 году, о ней стали понемногу забывать, и в 1917 году 45-летняя Сада-Якко вышла на сцену в последний раз, сыграв на прощание "Аиду" Верди. Так завершилась театральная карьера японской актрисы, ставшей легендой европейской сцены начала XX века.

Портрет японской актрисы, созданный Гумилевым, пережил время: хрупкий фарфоровый облик Сада-Якко ожил вновь для молодого поколения. Искусство бессмертно! Группа "Квартал" поет о цветах незнакомой искусства, которые привезла в Европу маленькая японка, "рабыня" Сада.

11.08
246